

КОНЪЮНКТУРНАЯ АПОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Андрей Лаврухин¹

Abstract

The article advocates philosophy facing the trial of time and current state of affairs of its right to the further institutional existence in Belarus and namely: philosophy as a resource of (1) construction of national identity (through positioning of National University in the field of social and humanitarian disciplines), (2) construction of «a worthy citizen» (through positioning of a university liberal model in *liberal arts*, and creation of philosopher's «loci communes» as a critically thinking intellectual in the public space), (3) construction of a post-materialistically motivated creative person necessary for successful realisation of an innovative policy and construction of a post-industrial society. The place of philosophy in the national and liberal university of Belarus, as well as its role in transition from the society of violence to meritocracy is considered in detail.

Keywords: national university, liberal university, *liberal arts*, post-industrial society, creative class, innovation, meritocracy.

В июле 2011 года руководство Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) сообщило о закрытии департамента философии по причине низкого спроса абитуриентов на бакалаврские и магистерские программы.² Осенью 2011 – зимой 2012-го руководство Республики Беларусь обозначило необходимость сокращения институтов Национальной академии наук Республики Беларусь, и прежде всего социального и гуманитарного профиля, что дало обратный отсчёт процессу закрытия Института философии. Несмотря на все формальные различия, основание для принятия обоих решений идентично по структуре мотиваций: философия не рентабельна, её символический капитал уже не стоит даже весьма скромных (в общей структуре) финансовых затрат. Учитывая, что на сегодняшний день факультет философии и социальных наук Белгосуниверситета олицетворяет собой единственное и безальтернативное институциональное присутствие философии в университетах Беларуси, сложив-

¹ Андрей Лаврухин – кандидат философских наук, доцент департамента социальных и политических наук Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² В департаменте философии существовало две программы бакалаврского («Социальная и политическая философия» и «Теории и практики современного искусства») и одна магистерского («Социальная теория и политическая философия») уровня.

шуюся ситуацию трудно квалифицировать иначе, чем институциональный приговор белорусской философии³.

Реагировать на данную ситуацию можно, конечно, по-разному. Например, можно сказать: «Давно пора» – и сослаться на опыт тех стран, в системе образования и науки которых философия никогда не существовала и/или не прижилась (и тем самым закрыть вопрос). Можно также сказать, что такова судьба философии, но она выше всего этого, поскольку философия отдаёт отчёт перед лицом вечности, а не изменчивого и непостоянного времени (философская апология философии). Я же попытаюсь здесь выступить в качестве адвоката философии в условиях актуальной социально-политической, культурной, образовательной и экономической конъюнктуры (конъюнктурная апология философии). Моя апология будет построена на трёх аргументах, два из которых базируются на тезисе о незавершённости проекта классического современного университета, а третий – на нормативном идеале постиндустриального общества.

Философия в национальном университете Беларуси

Вынесенный философии вердикт симптоматичен и является наиболее ярким отражением современной ситуации со статусом социогуманитарных дисциплин в университете, а университета – в обществе. Причём в этой ситуации есть два тесно взаимосвязанных измерения: транснациональное (глобальное) и национальное (белорусское). Специфика современного состояния социогуманитарных дисциплин в университете, а университета – в обществе в транснациональном (глобальном) масштабе диагностирована Биллом Ридингсом ещё в начале 1990-х и изложена в его знаменитой книге *Университет в руинах*⁴. Однако нам – представителям академического и научного сообщества постсоветских стран – понадобилось 20 лет, чтобы на собственном опыте почувствовать свою включённость в глобальные процессы трансформации университета, общества и социогуманитаристики. Читая эту книгу сегодня, поражаешься не только прозорливости автора, но и удивительной идентичности и устойчивости симптомов глобальной мутации национально-культурной и либеральной миссии университета: внутренний и внешний кризис легитимации социальных и гуманитарных наук; «размывание широкой социальной роли Университета как института»; «крах национально-культурной миссии» университета; «банкротство проекта либерального образования»; «отделение университета от идеи национального государства»;

³ Пока ещё довольно многочисленные кафедры философии в вузах Беларуси не принимаются в расчёт по той простой причине, что они не осуществляют производство и воспроизводство кадров по философским специальностям, то есть не являются самостоятельными субъектами на институциональном уровне.

⁴ Ридингс Б. *Университет в руинах*. Перевод с английского А.М. Корбута; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2009.

«превращение университета в транснациональную бюрократическую корпорацию», продающую «знания, навыки и компетенции» на глобальном рынке образовательных услуг.⁵ Кризис философии и социогуманитарных наук в целом коррелирует с кризисом университета, поскольку ядром (идеями) классической современной модели университета в обеих версиях – национальной В. фон Гумбольдта и либеральной Дж. Ньюмена – являлось воспитание самостоятельной, интеллектуально развитой, креативной, автономной личности, имеющей универсальный (философский) мировоззренческий горизонт, способной стать двигателем социальных преобразований. При всех различиях гумбольдтовскую и ньюменовскую модели университета объединяло единое понимание главной миссии университета: он не должен быть утилитарным (Ньюмен) и подстраиваться под профессию или сословие («*Bildung ist nicht Ausbildung*») (Гумбольдт), но призван быть «общим», универсальным (*universitas*), воспитывать новую «интеллектуальную культуру» (Ньюмен) или «способность к спонтанности и абстрактному мышлению» (Гумбольдт), позволяющих создавать новую форму жизни достойных граждан – «джентльменов» (Ньюмен) или своего рода светских священников (философов) (Гумбольдт). Понятно, что для выполнения этой миссии философия как квинтэссенция европейской интеллектуальной культуры, колыбель научной рациональности и форма жизни подходила как нельзя лучше.

Таким образом, сердцевину просветительского проекта классического современного университета составлял духовно-аристократический принцип⁶, и именно он оказывается сегодня поставленным под вопрос: в современных условиях массовизации (общедоступность высшего образования, как и некогда среднего), бюрократизации (центральной фигурой выступает администратор, а не профессор) и коммерциализации (университет как специфическая бизнес-корпорация, продающая «знания, навыки и компетенции») говорить о власти «аристократов духа», увы, не приходится.⁷

Кризис классического современного университета нашёл своё специфическое преломление в странах бывшего СССР, и Беларуси в особенности. Собственно говоря, в нашем случае нельзя вести речь о кризисе классического современного университета по той простой причине, что сама эта модель не состоялась ни в гумбольдтовском (национальном), ни в ньюменовском (либеральном) варианте. Гумбольдтовская версия не была реализована в силу несостоятельности проектов национальных государств, замороженных и преждевременно «интернационализованных» в советский период.

⁵ Ридингс, указ. соч., с. 20–23.

⁶ В понимании Гумбольдта и Ньюмена, не рождение, но талант и способности к самовоспитанию и универсальному преобразению должны определять авторитет, социальное признание и положение человека в обществе.

⁷ Cabal B. *The university as an institution today*. Paris, Ottawa: UNESCO, IDRC, 1993.

В подавляющем большинстве вузов республик СССР высшее образование велось на русском языке, а потому ни о каком воспитании нации в гумбольдтианском смысле говорить не приходится.⁸ В этом плане показателен негативный опыт Беларуси. Несмотря на то что в первые годы советской власти в национальной структуре белорусы составляли 80% населения, доля представленности национальных элит в правительственных структурах оставалась ничтожной. Это обуславливалось рядом факторов, замедливших модернизацию белорусского этноса.⁹ И один из ключевых связан со спецификой процесса урбанизации. По данным переписи населения СССР, в 1926 году численность городского населения БССР составляла 17%, что всего лишь на 1.5% меньше, чем в Украине. Однако при этом подавляющее большинство городского населения составляли евреи (63.3%).¹⁰ Столь низкий процент урбанизации коренного населения внёс свою специфику в языковую ситуацию: небелорусскоязычный город и белорусскоязычная деревня. Этот фактор вкупе с низкой долей крестьян с университетским образованием¹¹ обусловил низкую социальную мобильность белорусов и в итоге – низкую долю белорусов в составе партийных, советских и хозяйственных органов управления. В итоге, белорусизация осуществлялась преимущественно в рамках советской национальной политики «коренизации», сориентированной на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Однако плоды политики «коренизации» имели амбивалентный и непродолжительный характер. Несмотря на то что к 1928 году около 80% школ было переведено на белорусский язык обучения, вплоть до 1936 в БССР официальными государственными языками наряду с белорусским и русским являлись польский и идиш. В конце 1920-х – нач. 1930-х политика «коренизации» была свёрнута. Партийные чистки и репрессии 1930-х уничтожили тонкий и по-прежнему изолированный от большинства населения слой национальной элиты,¹² что явилось

⁸ Для Гумбольдта человеческий опыт имеет языковой характер *par excellence*. Соответственно, в национальном языке седиментирована национальная культура, которая обретает свою квинтэссенцию в письменном тексте – книге. В свою очередь через книгу индивид погружается в сферу национальной, а затем – через национальную – мировой культуры, духовно пробуждается, воспитывается (образовывается) и преобразуется.

⁹ См.: Терешкович П.В. *Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв. в контексте центрально-восточной Европы*. Минск, 2004.

¹⁰ Зингер А. Г. Численность и географическое размещение еврейского населения СССР // *Евреи в СССР*. Материалы и исследования. Вып. ГУ, М., 1929. С. 41.

¹¹ В Беларуси к началу XX века численность крестьян с университетским образованием была в 20 раз меньше, чем в Украине; см.: Терешкович, указ. соч., с. 195.

¹² В результате массовых чисток и политического террора 1930-х Компартия Беларуси потеряла 40% своего состава. Репрессировано 26 академиков и 6 членов-корреспондентов Академии наук, большое количество рядовых учёных, преподавателей вузов, более 100 писателей.

причиной 50-летнего «летаргического сна» белорусского национального движения. И как раз на это время пришлась самая интенсивная урбанизация и модернизация Беларуси.¹³

Не менее важным фактором, обусловившим несостоятельность проекта национализации высшей школы Беларуси, стал дефицит символического капитала университетской культуры. На территории получившей независимость Беларуси не было той университетской традиции, на которую можно было бы опереться при конструировании нормативного идеала системы высшего образования и которая могла обеспечить критическую дистанцию по отношению к советской модели высшего образования. Старейшее высшее учебное заведение Беларуси – Полоцкая иезуитская академия, созданная 12 января 1812 года указом императора Александра I и наделённая правами университета, – просуществовало лишь 8 лет (до 1820 года).¹⁴ Остальные высшие учебные заведения Беларуси начинают свою историю в советский период (при этом из 33-х высших учебных заведений, по состоянию на 1990/1991 уч. г., большинство основано после Второй мировой войны). Это означает, что в Беларуси советский опыт был доминирующим и по сути единственным опытом университетской жизни, а потому неизбежным образом оценивался и воспринимался позитивно – как фактор модернизации. Очевидно, что в этой ситуации горизонт возможностей реформирования университета также ограничивался советским периодом, и все новаторские идеи встречались с подозрением не только чиновниками от образования, но и академическим сообществом, большую часть которого составляли те, кто либо эмигрировал в Беларусь, либо получил высшее образование в вузах других стран.¹⁵ Министерские чиновники и академическое сообщество ориентировались на университеты российских

¹³ Массовое переселение белорусов в города пришлось на 1950–80-е годы. По данным переписей населения СССР, численность городского населения БССР составила: 1959 год – 31%, 1970 – 43%, 1979 – 55%, 1989 год – 65%. С конца 1930-х радикально изменился национальный состав населения городов БССР. Показательна в этом плане ситуация в Минске. Уже в 1939 году доля белорусов составила 51% (евреев – 29.7%, русских – 12%, украинцев – 2.78%), в 1959 – 63% (русских – 22%, евреев – 5.1%, украинцев – 3.8%); в 1970 – 65.6% (русских – 23.4%, евреев – 7.62%, украинцев – 3.6%); в 1979 – 68.4% (русских – 22.2%, евреев – 3.6%, украинцев – 3.6%); в 1989 году – 71.8% (русских – 20.2%, евреев – 2.4%, украинцев – 3.3%).

¹⁴ Медицинская академия, созданная 30 апреля 1775 году в Гродно, не имела статуса университета и действовала в Гродно до 1781 года (переведена в Вильнюс, дав основание медицинскому факультету Виленского (Вильнюсского) университета).

¹⁵ Поскольку университет является городским феноменом, ранее указанное распределение национальностей по месту проживания (белорусская деревня и еврейский город) нашло прямое отражение в национальном составе первых советских университетов. Показателен в этом плане национальный состав первых выпускников Белорусского государственного университета (БГУ), созданного в апреле 1921 года: из 60 выпускников БГУ 43 чел. (72%) – евреи; см.: Крапивин С. *БГУ: от*

столиц как на эталоны высшего университетского образования. Один из ярких примеров этого влияния приведён в исследовании Александра Ковзика и Майкла Уотса: в начале 1990-х в качестве стандартов для преподавания были взяты стандарты МГУ.¹⁶ Доминирование русского языка и российских эталонов высшего образования определило дальнейшую судьбу проекта национального университета.

Судьба университета в Беларуси неизбежным образом оказалась на судьбе белорусской философии, точнее, на белорусской версии того, что называлось философией в СССР. О специфике советской философии написано уже немало.¹⁷ Здесь мне хотелось бы обратить внимание лишь на один существенный для заданного контекста момент: обладая рядом релевантных современному проекту черт (рациональность, систематичность, космополитичность), советская философия не имела двух ключевых, конститутивных для национальной версии классического современного университета, составляющих – национальной почвы и презумпции творческой свободы индивида. В этом смысле в СССР проект современной философии в строгом смысле не состоялся.

Однако несостоятельность современного проекта не означает его пройденность (в незавершённом виде). Красноречивое тому свидетельство – движения национального возрождения во всех постсоветских странах. И, опять же, здесь показателен случай Беларуси, в которой, несмотря на указанные выше крайне неблагоприятные исторические обстоятельства, возрождение национального движения к концу 1980-х – началу 1990-х привело к образованию самой влиятельной политической партии «Беларускі народны фронт» (БНФ), которая и стала весомой альтернативой действующей власти. Этот пример долгого латентного вызревания национального самосознания в крайне неблагоприятных исторических условиях является, пожалуй, самым убедительным историческим аргументом в защиту тезиса о неизбежности реализации национального проекта. Поэтому, несмотря на попытки сегодняшней власти держать белорусское национальное самосознание в состоянии если не глубокой, то хотя бы средней заморозки, национальному проекту рано или поздно быть. Когда именно – вопрос вре-

войны до войны // [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://news.tut.by/society/256458.html>.

¹⁶ См.: Ковзик А., Уотс М. Реформирование высшего образования в России, Беларуси и Украине // *Эковест*. 2003. Вып. 3, № 1. С. 60–77.

¹⁷ См.: Грэхем Л. Диалектический материализм в Советском Союзе: его развитие в качестве философии науки // *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат, 1991; Ильенков Э.В.: *Драма советской философии*. М.: ИФ РАН, 1997; Красиков В.И. Советская философия 50–80 гг. XX века // *Credo New* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://credonew.ru/content/view/954/62>; Митрохин Л.Н. «Докладная записка 74» // *Вопросы философии*. 1997. № 8; Плотников Н. Советская философия: институт и функция // *Логос*. 2001. № 4(30). С. 106–114. И др.

мени и благоприятных констелляций. Соответственно, неизбежен ренессанс университета как ключевого актора модернизации в гумбольдтовском смысле. Опять же здесь показателен опыт постсоветских стран-соседей Беларуси: процесс национализации высшей школы рассматривался в них как катализатор реформ, индикатор национальной идентичности и гарант независимости суверенных государств. В исторической ситуации национального возрождения университет играл роль медиатора, опосредующего историческое и мифологизированное прошлое с настоящим, а также той публичной площадки, на которой происходила цивилизованная полемика и устанавливались конвенции по вопросу приоритетных национальных идей и ценностей. Поэтому во многом успех реализации национального проекта зависел и зависит от успешности становления национальных систем высшего образования. Нереализованность проекта национализации высшей школы в Беларуси не означает его пройденности, но – как и в случае с национальным проектом – маркирует его отложенность. Сам факт появления исторических возможностей для создания национального университета уже задал тот нормативный горизонт, который определяет контекст актуальных дискуссий о будущем высшего образования в Беларуси.¹⁸

Соответственно, национализация университета неизбежно поставит на повестку дня вопрос об обновлении социогуманитарных дисциплин и философии как главного ресурса модернизации в гумбольдтовском проекте. В этом плане негативный опыт философии в ЕГУ весьма поучителен: интеллектуальная модернизация без национальной почвы бесперспективна. Она не может состояться в отрыве от исторической памяти и/или воображения национальной интеллектуальной культуры.

Философия в либеральном университете Беларуси

Не менее очевидна специфика преломления кризиса классического современного университета в его ньюменовской версии («либеральный университет»). Примечательно, что советская высшая школа ориентировалась преимущественно на «производство» специалистов с высшим техническим образованием.¹⁹ Это обуславливалось не только интенсивной индустриализацией, требующей

¹⁸ Показательна в этой связи книга Владимира Мацкевича и Павла Барковского; см.: Мацкевич В.В., Барковский П.В. *Университет: дискуссия об основаниях*. Сб. статей. Минск: Логвинов, 2012.

¹⁹ К концу 1980-х удельный вес студентов инженерно-технического профиля в общей численности студентов СССР составлял 44%, что привело к перенасыщению рынка труда специалистами с высшим техническим образованием. Для сравнения: доля студентов аналогичного профиля в США – 12.3%, Великобритании – 14.4%, Франции – 4.6%, Японии – 20.1%; см.: Галаган А.И. *Образование, наука, культура, экономика: взаимозависимость и ответственность перед обществом // Социально-гуманитарные знания*. 2007. № 4. С. 158–160.

большого количества специалистов технического профиля, но и идеологическими соображениями: технические специальности обладали той гуманитарной стерильностью, которая позволяла строить советский идеологический миф с наименьшими издержками. В свою очередь, идеологическая инструментализация гуманитарных и социальных дисциплин (и наук) была настолько велика, что, как это ни парадоксально, пространство университетской свободы во время оттепели 1960-х появилось в среде «физиков», а не «лириков»: гуманитарии-диссиденты 60-х находили свою публику в Политехах, на физико-математических, а не филологических, исторических или философских факультетах. Более того, философский факультет (наряду с историческим) вплоть до конца 1980-х оставался в университетах СССР незыблемым бастионом советского мракобесия. Это институциональное обстоятельство нашло своё отражение в специфической для советской философии особенности, которая в случае с философским сообществом Беларуси – как наиболее «продвинутой» в реализации советской интеллектуальной традиции – нашла своё наиболее яркое выражение: философия состоялась у нас как философия естествознания, философия науки. Примечательно, что академик В.С. Стёпин – родоначальник и по-прежнему главный герой единственной на сегодняшний день успешной (в институциональном смысле) белорусской философской школы – состоялся благодаря научной «эмиграции» в точные науки²⁰ и педагогической «эмиграции» в Политехнический институт²¹. Однако академическая и научная философская среда Беларуси была настолько консервативна и ретроградна – и в этом

²⁰ Обучаясь на отделении философии, В.С. Стёпин как вольнослушатель посещал ряд курсов физфака и затем был рекомендован в аспирантуру сразу тремя кафедрами Белгосуниверситета. Примечательно также его признание в отношении мотивации выбора философии науки: «Мое тяготение к философии науки было, вероятно, связано и с тем, что в то время социальная философия была очень сильно идеологизирована»; см.: Стёпин В.С. *Интервью к 70-летию* // [Электронный ресурс] 2004. Точка доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000651/index.shtml>. Дата доступа: 19.06.2012.

²¹ В начале 1960-х В.С. Стёпин читал «много разных курсов» на факультете радиофизики, а затем на архитектурном факультете. Примечательно в этой связи то, каким образом либеральные для того времени идеи находили свой путь через препоны идеологической цензуры: «Язык кино я читал, используя кинофильм режиссёра Ричарда Викторова “Третья ракета”. Он тогда работал на киностудии “Беларусьфильм”, и мы с ним были дружны. Позднее он перешел на “Мосфильм” и более известен по своему фильму “Москва – Кассиопея”. Но фильм “Третья ракета” был замечательный, хотя его, как часто было в те времена, раскритиковали за пацифизм. Р. Викторов подарил мне узкоплёночный вариант этого фильма, две бобины, и когда я читал лекции по языку кино, то на этом материале показывал, как строится кадр, что такое внутрикадровый монтаж, каковы выразительные возможности крупного плана, причём мне в голову не приходило, что там многие фрагменты, которые я обсуждал со студентами, не допущены цензурой»; см.: Стёпин, указ. ист.

состоит одна из существенных отличительных особенностей интеллектуальной атмосферы Беларуси с точки зрения степени её либерализации, – что двух вышеозначенных эмиграций оказалось недостаточно: чтобы состояться как учёному, преподавателю и организатору, В.С. Стёпину пришлось эмигрировать в Россию. Для философии в Беларуси это очень симптоматично и символично: интеллектуальной свободе и самореализации в Беларуси не находится места, за ними, как и за признанием, белорусским интеллектуалам приходится отправляться в другие государства. В этом смысле свободная философская мысль и, соответственно, либеральная модель университета – проект в Беларуси столь же нереализованный, сколь и настоящий. Поэтому кризис ньюменовской модели университета в его белорусской версии состоит, прежде всего, в том, что европейская интеллектуальная культура, базирующаяся на либеральных ценностях и воспитывающая достойных, креативных, свободных граждан, по-прежнему остаётся для Беларуси *terra incognita*.²² Но её придётся освоить, коль скоро мы, белорусы, предпочитаем европейское будущее. Роль философии как квинтэссенции интеллектуальной европейской культуры здесь трудно переоценить: *Белорусская Европа, прежде всего, должна состояться как интеллектуальное событие*. И только если мы – актуальные и потенциальные европейцы – выдержим этот экзамен на интеллектуальную зрелость, будет подготовлен тот горизонт наших возможностей и перспектив участия в процессах европейской интеграции, который однажды сделает наше европейское будущее настоящим.

От общества насилия к меритократии

Наконец, последний аргумент в защиту белорусской философии, осуждённой сегодняшним временем и неблагоприятными обстоятельствами на забвение, невостребованность и резиньяцию. Речь идёт о релевантности современным вызовам и глобальным тенденциям, задающим нормативный горизонт перспектив и возможностей дальнейшего развития развитых обществ мира. Этот нормативный горизонт важен в том плане, что завершения несостоявшегося классического модерного проекта университета (и, соответственно, философии) явно недостаточно: возрождение и актуализация кризисного модерного проекта в Беларуси не являются в полной мере релевантными современным условиям. Пренебрежение этим фактом повышает риски увязнуть в бесплодном восстановлении того, что сегодня в развитых странах поставлено под большой вопрос. Именно поэтому Беларусь нуждается в адекватном современности нормативном горизонте. В качестве

²² В этом плане показателен случай закрытия философского отделения в ЕГУ, делавшего ставку на западноевропейскую социальную и политическую философию и лежащие в её основе либеральные ценности: в сознании потребителей образовательных услуг Беларуси за выражением *liberal arts* зияет смысловая и референтная пустота.

такого нормативного горизонта, задающего идеалы, перспективы и векторы развития, я предложил бы рассматривать постиндустриальное общество, в котором ключевую роль играют университетская корпорация и класс интеллектуалов. Чтобы стало понятно, в чём именно состоит привлекательность такой перспективы, стоит обратить внимание на наиболее существенные признаки постиндустриального общества: (1) теоретическое знание приобретает роль основного производственного ресурса; (2) высшее образование становится самым ценным социальным капиталом; (3) возникает новый авангардный социальный слой – т. н. «креативный класс», или «класс интеллектуалов»; (4) появляются новая структура постматериалистических мотиваций и меритократический принцип управления. Для ясности кратко охарактеризуем каждый из указанных признаков.

Своего рода девизом постиндустриализма является сформулированная Ф. Бэконом метафора «знание – сила», которая сегодня всё больше начинает приобретать буквальный смысл: знание и образование становятся главным производственным ресурсом. Причём, как отмечает Д. Белл, «главным ... стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые ... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта»²³. Ту же мысль, но уже в отношении производства и экономики выразил П. Дракер:

«Наука непосредственно применяется для получения нового знания, тогда как прежде она использовалась для совершенствования орудий производства и развития новых форм его организации».²⁴

В свою очередь Л. Туроу на этом основании определяет формулу успеха ведущих развитых стран мира:

«Эволюция экспериментальной науки в направлении науки систематической, а затем – теоретической обусловила последовательное становление лидерства Великобритании, Германии и Соединённых Штатов в экономическом и политическом отношении».²⁵

Это превращение науки и знания в производственный ресурс как раз и явилось основанием для появления феномена т. н. наукоёмкой экономики и утвердившегося глобального тренда инновационной политики. Например, в США за тридцать с небольшим лет (с начала 1930-х до середины 1960-х) численность персонала научно-исследовательских учреждений возросла более чем в десять

²³ Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М., 1999. С. 25.

²⁴ Drucker P.F. *Post-Capitalist Society*. N.-Y., 1993. P. 19–21.

²⁵ Thurow L. *Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies, and Countries in a Knowledge-Based Economy*. London, 1999. P. 19–20.

раз,²⁶ а затраты на науку и образование уже к 1972 достигли 14.8% от валового национального продукта²⁷.

Для доказательства правомерности тезиса о превращении образования в самый ценный социальный капитал теории постиндустриализма приводят впечатляющую статистику. Если в 1940 году лишь около 15% выпускников школ США в возрасте от 18 до 21 года становились студентами вузов, то к середине 1970-х их было почти 50%, а в 1993-м – 62%.²⁸ При этом социологи отмечают весьма симптоматичную взаимосвязь между доходами и полученным образованием. Так, в США с 1968 по 1977 годы реальный доход занятых в производстве вырос в среднем на 20% (у лиц с незаконченным средним образованием – на 20%, у выпускников колледжей – на 21%). Однако в следующее десятилетие, когда аналогичный показатель увеличился на 17%, доход работников со средним образованием упал на 4%, а выпускников колледжей – повысился на 48%.²⁹ В результате высшее образование стало ключевым фактором распределения богатств и социальных статусов в обществе. Если в 1900 году более половины высших должностных лиц крупных компаний США были выходцами из весьма состоятельных семей, то к 1950 их доля сократилась до трети, а в 1976-м она составила всего 5.5%.³⁰ К концу 1990-х 80% американских миллионеров не приумножали доставшиеся по наследству активы, а сами зарабатывали своё состояние.³¹ Однако начиная с 1970-х произошли существенные качественные изменения в социальном статусе самого образования. Если в середине 1970-х американцы, имеющие лишь среднее образование, фактически утратили возможность повышать своё благосостояние, то через полтора десятка лет с аналогичной проблемой столкнулись выпускники колледжей и университетов. Как некогда выпускники средних школ были обычной, массовой рабочей силой, так уже в 1990-е владельцы дипломов высшего образования сами оказались «средними работниками» по отношению к тем, кто имеет учёные степени, звания и/или получил хорошую послевузовскую подготовку. Показательно, что в период с начала 1980-х до середины 1990-х работники со степенью бакалавра увеличили свои доходы на 30%, а обладатели докторской степени – почти вдвое.³² По

²⁶ Белл, указ. соч., с. 25.

²⁷ Rubin M.R., Huber M.T. *The Knowledge Industry in the United States, 1960–1980*. Princeton, N. J., 1986. P. 19.

²⁸ Mandel M.J. *The High-Risk Society. Peril and Promise in the New Economy*. N.-Y., 1996. P. 43.

²⁹ Winslow C.D., Bramer W.L. *Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy*. N.-Y., 1994. P. 230.

³⁰ Herrnstein R.J., Murray C. *The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life*. N.-Y., 1996. P. 58.

³¹ Dent H.S., Jr. *The Roaring 2000s*. N.-Y., 1998. P. 280.

³² Judy R.W., D'Amico C. *Workforce 2000. Work and Workers in the 21st Century*. Indianapolis (In.), 1997, P. 63.

состоянию на конец 1990-х, более 95% менеджеров имели высшее образование, а две трети – учёные степени.³³

По мере того как информационные технологии открывают перед людьми всё более широкие возможности для создания собственного бизнеса без значительных начальных капиталовложений, происходит активизация перераспределения национального богатства в сторону людей, имеющих полный цикл высшего образования (включая докторский уровень). В развитых странах университет и высшее образование выступают ключевыми факторами капитализации богатств и социальных статусов. Более того, отличительной особенностью двух последних десятилетий становится качественно новый уровень воздействия университета на развитое общество: форма самоорганизации и характер самоуправления жизни университетских и исследовательских сообществ являются примером для подражания в среде самых продвинутых бизнес-корпораций, делающих ставку на наукоёмкие производства. Это позволяет говорить об утверждении нового этоса креативного субъекта, имеющего постматериалистическую мотивацию и солидаризирующегося с такими же, близкими по мотивациям и притязаниям, субъектами, образуя новую социальную группу – т. н. «креативный класс», или «класс интеллектуалов». Вот как определяет этот феномен один из видных русскоязычных теоретиков постиндустриализма и наш соотечественник В. Иноземцев:

«Оказалось, что люди, не участвующие по тем или иным причинам в наукоёмком производстве, не могут рассчитывать не только на повышение, но даже на сохранение ранее достигнутого ими уровня благосостояния».

Таким образом, менталитет, свойственный прежде научным и университетским сообществам, распространяется всё шире и шире. Более того, складываются определённые социально-этические позиции. Несмотря на то что с каждым годом «класс интеллектуалов» перераспределяет в свою пользу всё большую часть общественного достояния, его представители в своей деятельности подвижны не только и не столько мотивами наживы, сколько стремлением к собственному саморазвитию и самосовершенствованию, к достижению уникальных и невозпроизводимых результатов, что делает новую социальную группу самовоспроизводящейся замкнутой общностью. «Работники интеллектуального труда не ощущают себя эксплуатируемыми как класс», и вследствие этого, «даже меняя свою работу, <они> не меняют своих экономических и социальных позиций, близких к тем, что традиционно определялись научной этикой».³⁴

Утверждение новой – постматериалистической – структуры мотиваций и нового этоса жизни является не только ключевым

³³ Dent, op. cit., p. 280.

³⁴ Иноземцев В. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // *Российский химический журнал*. 1999. № 6.

симптомом, но и необходимым условием процесса становления постиндустриального общества, характеризующегося новым типом социального взаимодействия и базирующегося на новых ценностях:

«...по мере повышения материального благосостояния ... потребность в получении всё большего количества материальных благ утрачивает свою остроту, а на первый план всё чаще выходят такие проблемы, как необходимость сочетать безопасность и свободу, справедливость и ответственность»³⁵.

При этом в развитых странах мира доминирующей мотивацией всё больше становится не столько приумножение личного материального богатства и даже не перспектива быстрого профессионального роста (как это было в 1980-е), сколько принципиально иное понимание качества жизни: любимое дело и досуг, способствующие самореализации и самосовершенствованию личности.³⁶ Это обстоятельство неизбежным образом сказывается на организации трудовых коллективов и управлении ими; их ядро составляют постматериалистически мотивированные в своей деятельности личности. Очевидно, что традиционные методы управления, основанные на экономических стимулах, контроле и дисциплине, оказываются здесь неэффективными. Гораздо более действенными становятся мотивации, отвечающие «базовому инстинкту» постматериалистической личности, а именно потребности в творческой самореализации через взаимодействие с такими же как креативными субъектами. Как справедливо отмечает А. Турен, для креативной личности «не существует опыта, который был бы важнее того взаимоотношения между индивидами, при котором и тот, и другой реализуют себя в качестве субъектов»³⁷. Соответственно, отдача от таких трудовых коллективов тем выше, чем выше степень самореализации креативных субъектов. В свою очередь, их самореализация напрямую зависит от той атмосферы, которая способствует внутренней мобилизации сообщества креативных личностей, занятых любимым делом. Эту специфическую мотивирующую атмосферу, возникающую на основе взаимоотношений креативных личностей, Д. Белл обозначает метафорой «игры между людьми» (*game between persons*).³⁸ Данная метафора недвусмысленно указывает на процесс перехода от труда к творчеству, когда труд понимается как деятельность, порождённая стремлением человека к максимальному развитию собственной личности, и воплощает в себе новую степень свободы индивида. Очевидно, что

³⁵ Hicks J. *Wealth and Welfare*. Oxford, 1981. P. 138–139.

³⁶ Chaffield C.A. *The Trust Factor. The Art of Doing Business in the Twenty-first Century*. Santa Fe (Ca.), 1997. P. 54–55; Rifkin J. *The End of Work*. N.-Y., 1995, p. 233.

³⁷ Touraine A. *Critique de la modernité*. Paris, 1992. P. 354. [Цит. по: Иноземцев, указ. статья.]

³⁸ Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N.-Y., 1976. P. 147–148.

творческая личность гораздо более сложная, самодостаточная и трудно управляемая, нежели личность трудящегося, подчиняющегося простым дисциплинарным практикам и руководящегося экономическими стимулами. Однако, как показывает опыт самых успешных проектов современности (в самых разных сферах – от образования до производства *soft*), трудовой коллектив, основывающийся на традиционных экономических мотивациях и дисциплинарных методах управления, неизменно проигрывает. И это является одним из самых серьёзных вызовов для современных управленцев: исповедовать привычные дисциплинарно-экономические методы управления и проиграть или пойти на временные, моральные и проч. издержки, связанные с ломкой себя и традиций, рискнуть и выиграть? Современные тенденции в теории и практике менеджмента показывают, что последних становится всё больше. Симптоматичен в этом плане новый тренд в менеджменте и маркетинге – т. н. «креативный менеджмент», основывающийся на открытиях, инновациях, неожиданных и парадоксальных «прорывах» в теории и на практике и, соответственно, делающий ставку на креативных личностей и современное качество жизни потребителя.³⁹ Это даёт основание многим теоретикам постиндустриализма вести речь о появлении нового – меритократического – типа организации и управления сообществами креативных личностей.⁴⁰

Скептики и реалисты здесь могут задать два вполне резонных вопроса. *Первый*: какое отношение всё вышесказанное имеет к Беларуси, которая, увы, не принадлежит к развитым странам мира? *Второй*: какова роль философов в этом процессе, коль речь идёт о технических науках, технологиях, «специалистах и техниках», менеджерах и экономистах?

Действительно, Беларусь трудно причислить к постиндустриальным странам. Уровень наукоёмкости ВВП Беларуси (0,8%, по состоянию на 2011 год) по-прежнему остаётся ниже критического⁴¹.

³⁹ Эта тенденция характерна уже и для стран нашего региона. Например, в Российской Федерации «креативный менеджмент» является одной из обязательных дисциплин ряда вузов, а тренинги по креативному менеджменту – одной из самых востребованных и высокооплачиваемых консалтинговых услуг. В этой связи см.: *Креативное мышление в бизнесе*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006; Дантон Э. *Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоду*. М., 2006; Журавлёв В.А. Креативное мышление, креативный менеджмент и инновационное развитие общества (Ч. 2) // *Креативная экономика*. 2008. № 5. С. 51–55.

⁴⁰ Термин «меритократия» (от англ. *merit* – достоинство, заслуга) введён в оборот публикацией повести *Возвышение меритократии* известного британского футуролога и фантаста М. Янга. Сегодня это слово употребляется в расширительном смысле и вбирает в себя базовые характеристики образовательной, научной, предпринимательской и политической элит постиндустриального общества.

⁴¹ Согласно стандартам Европейского Союза, 2%; см.: *Экономическая газета* [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.neg.by/publication/2011_01_28_14163.html?print=1.

Государственные затраты на науку, по самым оптимистическим официальным данным, в 2011 году составили лишь 0.29% ВВП (или 0.67% ВВП по показателю «внутренние затраты на научные исследования и разработки»).⁴² Система высшего образования архаична, слабо связана с рынком труда и в настоящий момент переживает серьёзные трудности с подготовкой кадров третьего и четвёртого уровней образования (аспирантура и докторантура). По свидетельству председателя президиума НАН Беларуси А.М. Русецкого, на протяжении многих лет невозможно организовать конкурсный отбор в аспирантуру в силу совпадения количества выделенных мест с количеством поданных заявлений, а по словам главного научного секретаря НАН С.А. Чижика соотношение кандидатов и докторов наук в последние два года почти в три раза ниже (на 1 доктора 4 кандидата), чем в «лихие 90-е» (на 1 доктора приходилось 9–10 кандидатов).⁴³ Даже по официальным данным, общая численность аспирантов научных организаций и учреждений образования снизилось с 5 042 в 2005 до 4 725 в 2010 году.⁴⁴ Гораздо хуже ситуация в институте докторантуры: за истекшие 6 лет численность защитившихся докторантов сократилась со 116 в 2005 до 45 в 2010 году. Год 2011-й не стал исключением – он обеспечил белорусской науке 520 кандидатов и 47 докторов наук.⁴⁵ Вследствие исчерпания ресурсной базы и сокращения доли наиболее продуктивных научных кадров высшей квалификации⁴⁶ стабилизация их общей численности на пороговом уровне воспроизводимости достигается за счет учёных в возрасте 60 лет и старше, что интенсифицирует процесс старения научных кадров в целом. Так, в НАН Республики Беларусь средний возраст академиков составляет 73.5 года, членов-корреспондентов – 68.5 года; в Белгосуниверситете лица пенсионного возраста среди докторов наук составляют 59%, среди кандидатов наук – 39%.⁴⁷ В целом, по данным Министерства образования за 2011 год, треть кандидатов наук и почти половина докторов наук – это лица пенсионного возраста.⁴⁸ В академических

⁴² См.: http://www.news.date.bs/economics_269965.html.

⁴³ *Атэстацыя*. Электронный научно-теоретический и информационно-методический журнал. 2011. Вып. № 3 // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://journal.vak.org.by/index.php?go=Pages&in=view&id=1355>.

⁴⁴ *Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь*. Стат. сб. Национального статистического комитета Республики Беларусь. Минск, 2011. С. 49.

⁴⁵ Сенькович Ю. Отбор суров, но он отбор // *Минский курьер* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://mk.by/2012/01/25/53584/>

⁴⁶ В период с 2006 по 2010 доля докторов наук в возрасте до 50 лет сократилась на 1.8 процентного пункта (с 39.6 до 37.8%), а доля кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет – на 33.0%; см.: Артюхин М.И. Элитные группы в науке: проблемы идентификации и типологии // *Наука и инновации*. 2011. № 1. С. 50–53.

⁴⁷ *Атэстацыя*, указ. источник.

⁴⁸ Листопадов В. Почему молодёжь не идёт в науку // *Зяўтра твояй краіны* [Электронный ресурс] Точка доступа: http://zautra.by/art.php?sn_nid=8853&sn_cat=19.

и научных сообществах доминируют командно-административные методы управления. Ставшие уже ритуальными требования к ужесточению дисциплины способствуют нарастанию инерции всей системы управления. Непрозрачная и вялая ротация управленческих кадров породила клановость бессменных возрастных управленцев и явилась причиной острого дефицита резерва управленческих кадров из группы работников перспективного возраста (40–45 лет). Пренебрежение принципами автономии и самоуправления в научных и академических сообществах создаёт разлагающую трудовую научный этос атмосферу конформизма, приспособленчества и безынициативности. В свою очередь, деградация научных сообществ усиливает позиции администраторов, мобилизующих безынициативных учёных дисциплинарными методами.

В результате профессиональные качества и достоинства креативных личностей Беларуси становятся не предметом гордости нации (как это происходит в развитых обществах), но неразрешимой проблемой для самих этих личностей. Все эти обстоятельства не позволяют обольщаться актуальным состоянием дел в Беларуси и дают все основания называть попытку сравнения с постиндустриальным обществом неким плодом воображения. Но именно поэтому мне видится, что у Беларуси есть шансы на улучшение своего состояния в будущем. Социальное воображаемое – это как раз то, чего лишено белорусское общество. Отсутствие надежды на будущее и понимания того, как хотелось бы и как должно быть, приводит к убийственному скепсису, декадансу и резиньяции – эти симптомы видны сегодня повсюду.

Мне очень хотелось бы быть правильно понятым – наше постсоветское разочарование в «светлом будущем» не может отменить изначально свойственную человеку обнадеживающую и вдохновляющую надежду на будущее с его новыми ценностями, нормами и идеалами. Невыносимость господствующего в Беларуси «мягкого» авторитарного политического режима проявляется, прежде всего, в ценностной пустоте и вопиющей бессмысленности насилия (над достойными гражданами, инвалидами, «бомжами», близкими в семье, братьями нашими меньшими).⁴⁹ Коллективная резиньяция большинства, легитимирующего это насилие безучастным молчанием, в первую очередь связана с отсутствием горизонта воображаемых ценностей, норм и идеалов, позволяющих дать ответ на ежедневно возникающий вопрос в отношении всех участников коллективного насилия по ту и эту сторону баррикад: «Зачем и ради чего это насилие?». На мой взгляд, горький опыт белорусского общества ярчайшим образом демонстрирует то, что происходит с людьми, когда они оказываются лишены горизонта воображаемого будущего.

Напротив, как это ни парадоксально, официальный дискурс белорусской инновационной политики опирается как раз на постин-

⁴⁹ См.: «Птичку жалко», или О простоте, которая хуже воровства // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://news.tut.by/otklik/295726.html>. Дата доступа: 22.06.12.

дустриальный горизонт воображаемого будущего. С принятием в 2006 году Концепции национальной инновационной системы⁵⁰ и Государственной программы инновационного развития (ГПИР) Республики Беларусь⁵¹, на повестку дня поставлен вопрос об интеграции высшего образования в национальную инновационную систему («Аналитический обзор № 13»: 2006). В мае 2011 года принята Государственная программа инновационного развития (ГПИР) Республики Беларусь на 2011–2015 годы. Все вышеозначенные программные намерения и пока очень скромные, но настойчивые попытки перевести их в практическую плоскость свидетельствуют о том, что идея построения инновативной (наукоёмкой) экономики является приоритетной для стратегического планирования развития Беларуси представителями нынешних правящих элит. И это вселяет надежду на возможность достижения общенационального согласия: все мы, граждане Беларуси – по ту и по эту сторону баррикад, – хотим жить в экономически развитой Беларуси не только по региональным, но и глобальным меркам самых развитых постиндустриальных обществ мира. Я надеюсь быть правильно понятым: речь в данном случае идёт не о приспособлении к дискурсу власти, но о том социальном воображаемом, которое является пространством борьбы индивидуумов и групп в попытках включить глобальное измерение в свой собственный опыт «современного».⁵² Так, на мой взгляд, выхолащивание ценностной и гуманитарной составляющей постиндустриализма в официальном дискурсе белорусской инновационной политики опасно и бесперспективно.

Тем самым мы подошли к ответу на второй вопрос скептика: какова роль философов в этом процессе, коль речь идёт о прикладной науке, менеджерах и экономистах?

Резонность и уместность этого вопроса неоспоримы. В современном официальном дискурсе Беларуси об инновационной политике доминирует ставка на технократию и, соответственно, т. н. «класс технократов».⁵³ Казалось бы, в нашу технократическую эпоху это вполне оправданная позиция. Однако у неё (особенно в той форме, которая транслируется официальными белорусскими представителями и идеологами инновационной политики) есть один существенный изъян: в ней не учитывается качество человеческого

⁵⁰ Концепция национальной инновационной системы. Одобрена на заседании комиссии по вопросам ГНТП при Совете министров Республики Беларусь (протокол № 05/47пр от 08.06.2006). Минск, 2006.

⁵¹ ГПИР Республики Беларусь на 2007–2010 гг. утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 года, № 136; ГПИР Республики Беларусь на 2011–2015 гг. утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года, № 575.

⁵² См.: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996.

⁵³ Шуман А. Технократы в Беларуси. Насколько перспективна белорусская инновационная политика // *Наше мнение* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://nmnby.eu/news/analytics/4853.html>. Дата доступа: 20.06.2012.

капитала, который в развитых постиндустриальных обществах занимает центральное место и напрямую связан с фигурой креативной постматериалистически мотивированной личности.⁵⁴ Мне представляется, что львиная доля проблем современного белорусского общества обусловлена дефицитом условий, благоприятствующих раскрепощению, самореализации и признанию творческой личности как ключевого актора, конституирующего постматериалистическую структуру мотиваций. Наличие высокого уровня материального благосостояния является необходимым, но далеко не достаточным условием появления новой структуры мотиваций: без институтов, производящих субъектов с постматериалистической мотивацией и культивирующих ценность креативных личностей, мы получим всё то же общество бессмысленного насилия, лишённое ответа на вопрос: «Для чего всё это (деньги, досуг, ресурсы)?». То, что потребность в самореализации у белорусов есть, свидетельствует закрепившаяся за Беларусью слава страны-донора креативных личностей, рождающихся и иногда получающих образование на родине, но неизменно уезжающих в поисках самореализации и признания в другие страны. Едва ли банальное повышение материального благосостояния способно решить эту проблему. Поэтому если мы действительно хотим превратиться из страны мигрантов в страну достойных граждан, готовых инвестировать свой творческий потенциал в развитие общества, нам неизбежно придётся жить по меритократическим принципам. В утверждении таких меритократических принципов, меритократического этоса и формы жизни роль гуманитарных дисциплин (*liberal arts*), и философии в особенности,

⁵⁴ Во многом такое понимание технократии производно от того советского прошлого, которое не критическим образом воспроизводится в Беларуси. Между тем история дала нам очевидные основания для критического переосмысления технологизации (соотв., технократизации) общества по советскому образцу: несмотря на четырёхкратное количественное превосходство выпускников технических специальностей в СССР по сравнению с ведущими странами мира (США, Японией, Германией и др.), ни в СССР, ни в постсоветских странах не удалось достичь такого уровня наукоёмкости экономики и развития технологий, как в развитых странах мира, сделавших ставку не только на развитие естественнонаучных, технических и прикладных знаний, но и на формирование свободной, ответственной и креативной личности как главного социального и производственного ресурса постиндустриального общества. Примечательно, что, несмотря на финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг., гуманитарное и социально-политическое знание (и образование) не утратило своей ценности и значимости. Показателем в этом плане Всемирный доклад по социальным наукам за 2010 год под симптоматичным названием «Разрывы в знаниях», подготовленный Международным советом по социальным наукам (ISSC) по просьбе ЮНЕСКО, в котором констатируется, что сегодня в мире более чем когда-либо ощущается нужда в социальных науках. Один из ключевых выводов доклада гласит: ввиду различий в способности государств наладить научную работу, социальные науки не в состоянии найти должный ответ на актуальные проблемы современности, причём эти науки наименее развиты именно там, где в них есть самая острая нужда.

трудно переоценить. При всей своей девиантности философия, как никакой другой образовательный и интеллектуальный опыт, преобразует человека в целом, способствуя раскрепощению потенциала творческой личности, пробуждению интеллектуального воображения, обретению универсальной оптики и формированию креативного, нестандартно мыслящего индивида. Тем самым философия делает весомый вклад в самый важный для постиндустриального общества процесс капитализации гуманитарных и социальных компетенций, в результате которой конструируется главный ресурс постиндустриального общества – постматериалистически мотивированная творческая личность.

Таким образом, на мой взгляд, у философии есть как минимум три аргумента в защиту перед судом времени и актуальной конъюнктуры своего права на дальнейшее институциональное существование в Беларуси: (1) она является важным ресурсом конструирования национальной идентичности (через позиционирование среди социогуманитарных дисциплин национального университета), (2) она является важным ресурсом конструирования «достойного гражданина» (через позиционирование в *liberal arts* либеральной модели университета, создание «общих мест» философа как критически мыслящего интеллектуала в публичном пространстве) и (3) она является ключевым ресурсом конструирования постматериалистически мотивированной творческой личности, необходимой для успешной реализации инновационной политики и построения постиндустриального общества. Преимущество встраивания в логику постиндустриализма состоит в том, что креативный потенциал философии может приобрести то прагматическое измерение, которое задаёт тон современности и определяет актуальную повестку дня.

Разумеется, это не означает, что философия не вправе выполнять свою принципиально неконвертируемую в современные потребности функцию – быть радикальной и потому всегда несвоевременной альтернативой современному (конъюнктурному) мировоззрению, образу жизни и проч. Напротив, эта её конститутивная характеристика, быть может, впервые обретёт подобающую легитимацию: в условиях знаковой для современности ситуации социальной неопределённости наличие радикальных альтернатив станет одним из ключевых социальных адаптационных ресурсов. Однако горький административный опыт в ЕГУ преподнёс лично мне один урок, которым я хотел бы поделиться со всеми, кто имеет отношение к институциональной философии: путь псевдоаристократизации и интеллектуального снобизма тупиковый, и прежде всего – для самой философии. Умение философии (в лице её представителей) адаптироваться к современной конъюнктуре – это не смертный грех, не спасение, но уникальная историческая возможность продемонстрировать свою жизнеспособность и полезность индивиду, университету, нации и обществу.